

Волков Валерий Вячеславович, Волкова Наталья Васильевна

"ПРОИЗВОДСТВО ТЕКСТОВ" КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ

В данной статье новое для русского словоупотребления словосочетание "производство текстов" трактуется как дисфемизм существительного "творчество", отражающий смену культурной парадигмы в книжно-издательском деле: от установки на идейно-художественную глубину произведения - к установке на коммерческий успех; следующий дисфемизирующий шаг этой парадигмы - производство смыслов; авторы приходят к выводу, что такая же тенденция наблюдается в журналистике и риторике; десакрализация книги, связанная с ростом доступности произведений печати, - следствие десакрализации культуры в целом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/4-1/8.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (54): в 2-х ч. Ч. I. С. 33-36. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Гносеологическая основа безопасности напрямую укоренена с особенностями приобретения знания о ней, которое осложняется тем, что она обретает в значительном количестве протяжений во всех сферах жизнедеятельности социума, и вряд ли предоставляется возможность ощутить её совершенность, то есть безусловность. Это объясняется тем, что процесс воспроизводства опасностей в контексте деятельности, поведения и мышления субъектов – вкуче с объективными показателями – безграничен.

Аксиологическая основа безопасности отражается в том, что она гармонично сочетается с общечеловеческими ценностями: благом, добром, истиной, идеалом, справедливостью и др. Поэтому рассматриваемый контекст явления актуален для всех без исключения субъектов, связанных совместной деятельностью, поведением и мышлением.

Практика оказывается основой познания безопасности, предоставляя начальную информацию, столь необходимую для зарождения импульсов к её постижению. Теория же есть синтез практики и сведений о безопасности объекта на сущностном её уровне. Рассматриваемая основа выступает также весьма существенным показателем плодотворности анализируемого явления.

Список литературы

1. Декарт Р. Рассуждения о методе // Декарт Р. Сочинения: в 2-х т. М., 1989. Т. 1. С. 250-296.
2. Крюков В. В. Ценности и их ранжирование // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (48): в 2-х ч. Ч. 2. С. 120-122.
3. Литвинов Э. П. Философские основы концепции безопасности // Пространство и время. 2012. № 1 (7). С. 66-73.
4. Новая философская энциклопедия: в 4-х т. М.: Мысль, 2010. Т. 4. 732 с.
5. Поздняков А. И. Сравнительный анализ современных подходов к определению понятий национальной и военной безопасности // Военно-философский вестник. 2008. № 2 (02). С. 17-29.

ONTOLOGICAL, EPISTEMOLOGICAL, AXIOLOGICAL AND PRAXEOLOGICAL BASES OF SECURITY

Vershilov Sergei Anatol'evich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Military Educational-Research Center of Air Force "Air Force Academy
named after professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin" (Branch) in Krasnodar
vershil@mail.ru

In the article the author states that within ontological basis security serves as objective reality and promotes the conservation of the living. Within the limits of epistemological basis it is acquired in the considerable lengths of society life activity. In the context of the axiological basis of security its plenipotentiary subject as a moral being realizes the moral imperative of freedom. Praxeological basis provides information about security, which is necessary for the emergence of impulses to its comprehension.

Key words and phrases: axiological basis; security; epistemological basis; ontological basis; praxeological basis.

УДК 008

Культурология

В данной статье новое для русского словоупотребления словосочетание «производство текстов» трактуется как дисфемизм существительного «творчество», отражающий смену культурной парадигмы в книжно-издательском деле: от установки на идейно-художественную глубину произведения – к установке на коммерческий успех; следующий дисфемизирующий шаг этой парадигмы – производство смыслов; авторы приходят к выводу, что такая же тенденция наблюдается в журналистике и риторике; десакрализация книги, связанная с ростом доступности произведений печати, – следствие десакрализации культуры в целом.

Ключевые слова и фразы: книжная культура; производство текстов; утилитаризм; творчество; дисфемизм; журналистика; риторика.

Волков Валерий Вячеславович, д. филол. н., профессор

Волкова Наталья Васильевна, к. филол. н.

Тверской государственный университет

Volk7Valery@yandex.ru; volkna@mail.ru

«ПРОИЗВОДСТВО ТЕКСТОВ» КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ[©]

Иногда одно-единственное слово или словосочетание высвечивает кардинальные особенности какого-либо явления яснее, чем многие аналитические исследования. Так и в ситуации с нынешним упадком культуры в целом, книжной культуры в частности. С одной стороны, она выглядит прогрессивно развивающейся: разных издательств не меньше, а существенно больше, чем в советские годы, невероятно расширилась номенклатура книжной продукции, полиграфическое качество изданий, – с другой стороны, катастрофически снижается

интерес к чтению художественной литературы в некогда «самой читающей» стране мира. Одна из основных причин (хотя, разумеется, не единственная), в которой не очень хочется сознаваться, – низкое идейно-художественное качество современной художественной литературы, прежде всего «массовой», авторы которой движимы не столько потребностями вникновения в глубины личного и общественного сознания, сколько возможностью коммерческого успеха своих произведений, их *продаваемостью*. В результате произведение оказывается не столько культурным явлением, сколько предметом купли-продажи, не достоянием книжной культуры, но элементом книжного маркетинга [7]. Языковой маркер этой трансформации – словосочетание *производство текстов*, выступающее как перифраза существительного *творчество* (художественное или научное). *Производство текстов* – не эвфемизм как перифраза, заменяющая грубое выражение на благопристойное, но дисфемизм, «неблагоглаголе» – дискредитирующее выражение, которое стыдливо используется вместо существительного *творчество*, несущего очевидные мелиоративные краски.

Книжная культура на протяжении многих веков ассоциировалась с духовными вершинами, прежде всего с религиозными и философскими, поскольку именно религии, а затем философии человечество обязано рождением и развитием письменности. Применительно к современности словосочетание *книжная культура* в смысле «высокая культура» практически не используется, ныне это, прежде всего, *издательское и книжное дело* как сферы практической деятельности, связанной преимущественно с подготовкой к печати, изданием и распространением печатной продукции [3]. Такие явления, как *книжное искусство, искусство книги, культура книги* и т.п., относятся к книге, прежде всего, как артефакту, материальному объекту, издательскому продукту и лишь через это посредство – к книге как явлению духовной культуры, которая, по сути, должна бы восприниматься как ценная прежде всего своим содержанием и лишь затем – качеством издательской подготовки. Иными словами, *книжная культура* воспринимается ныне не столько как *духовно-материальная*, сколько как *материально-духовная*, как эффектность книжной «плоти», при вторичности вопроса о глубине внутреннего содержания. Думается, можно говорить о частичной десемантизации, об утрате исходных смыслов, о «семантическом вырождении» понятия «книжная культура», развивающихся в направлении от сакрально-сти – к профанности, от смысловых глубин – к поверхностности.

Словосочетание *производство текстов* представляется уместным, фактически обоснованным и эмоционально-стилистически нейтральным, если относится к профессиональной деятельности копирайтеров или спичрайтеров, то есть к созданию сугубо утилитарных продуктов письменной и устной речи, предназначенных для широкого распространения в PR-коммуникациях, рекламе, в деловых контактах организаций, в публичных выступлениях влиятельных лиц и т.д., – но если это словосочетание относится к научной или художественной литературе, то оказывается явным дисфемизмом, дискредитирующим ее имманентное творческое начало.

Однако такое использование – реальный факт современного словоупотребления, ср., например, использование словосочетания *производство текстов* для характеристики специфики литературного творчества: «Литература подразумевает производство текстов с внимательным отношением к словам и к связям между этими словами» [1]. Следующий дисфемизирующий шаг на пути дискредитации научного и художественного *творчества* – словосочетание *производство смыслов*, ср.: «Производство смыслов, формирующихся в человеческом сознании, превращается в самостоятельную отрасль экономики...» [11, с. 167]. Это явление, расширяясь, из сферы телевидения, печатных средств массовой информации, идеологии и политики выходит в целостность культуры, катастрофически девальвирует ее ценности.

Словосочетание *производство текстов* – органичный языковой продукт современной информационной эпохи, связанный с идеологией утилитаризма, в рамках которого ценность чего-либо, в том числе произведения словесного творчества, определяется исключительно практической «пользой». «Тексты» информационной эпохи уже в момент своего «производства», изначально не рассчитаны на какую-либо культурную, в том числе литературную или научную ценность, но отражают, с одной стороны, различные повседневные потребности их адресатов, прежде всего витальные и информационные, с другой стороны, интересы адресантов – авторов, для которых «производство текстов» является лишь источником материального дохода или, в дополнение к нему, некоторой известности.

С морфемно-словообразовательной точки зрения, существительные *произведение* и *производство* равно образованы от глагола *производить* в значении «создавать». Однако существительное *производство* ассоциируется, прежде всего, с материальными благами, *произведение* – с духовными ценностями. Насколько корректно в одном ряду говорить, с одной стороны, о *промышленном, сельскохозяйственном производстве*, а с другой, например, о *производстве философского знания* [9; 15]? Сами философы не замечают в декларативной изоморфности этих словосочетаний ничего необычного или, тем более, противоестественного, однако, с культурологических позиций, это совершенно разные явления.

Идеология марксизма, по аналогии с понятием «материальное производство», внесла и понятие «духовное производство» – как равноположное ему, ср., например, свидетельство современного учебника философии: «Важную и все более возрастающую роль в общественной жизни играет *духовное производство*, в процессе которого производятся не вещи, а идеи, образы, научные и художественные ценности. Правда, эти ценности, так или иначе, материализуются в физических вещах, носителях этих духовных ценностей, в книгах, картинах, скульптурах или же в современных электронных носителях информации. Но все же главное в этих предметах – не их материальная сторона, а их духовное содержание, заключенные в них идеи, образы, чувства» [16, с. 447]. Обратим внимание, что в цитированном фрагменте о «духовном содержании» ценностей культуры речь идет после оговорки «Но все же...». Да, без материального, в том числе словесного, текстуального опредмечивания

ценности культуры для сенсорного восприятия недоступны, но это не значит, что они «производятся» так же, как кирпичи, трактора или лопаты; их «производство» не физически зримое, но сугубо внутреннее, они плод *духовного творчества*, которое от *материального производства* отличается принципиально. Семантическое ядро существительного *производство* – «изготовление», что предполагает наличие некоей предварительной схемы или образца. В этом смысле *производство* – противоположность *творчества*, которое предполагает создание принципиально нового, доселе не существовавшего. *Произвести* можно, лишь зная, **что именно** производишь. *Творчество* предполагает, что результат заранее не известен.

Понятие «производство текстов» не является чем-то совершенно новым; вероятно, оно возникло вместе с представлением о том, что писательское творчество основывается на «ремесле» как мастеровитости, профессиональной умелости, которая совсем не обязательно предполагает творческое вдохновение, *эстетизм* и *трансцендирование* как выход за пределы непосредственно очевидного [5], *«интермедиаальность»* как свойство, которое связано с бытием художественного (“филологического”) текста в семиотическом пространстве культуры в целом» [4, с. 138]. Дисфемизация поэтического творчества едва ли не наиболее ярко выразилась в хрестоматийных строчках Маяковского из «Разговора с фининспектором о поэзии»: «Поэзия – / та же добыча радия. // В грамм добыча, / в год труды. // Изводишь / единого слова ради // тысячи тонн / словесной руды» [13, с. 121]. Однако Маяковский имел в виду все-таки не столько идею *производства*, сколько идею особой трудоемкости, *сложности* поэтической работы.

То же самое можно сказать и о труде настоящего, не «кабинетного», «офисного» журналиста, лишь обрабатывающего извлеченный из Интернета информационный материал, но не добывающего его в изнурительных самостоятельных поисках с живыми людьми, «в поле». В советские годы была популярна «Песня журналистов» (1964; слова Александра Левикова (псевдоним А. И. Аграновича), музыка Ваню Мурадели, исполнитель Владимир Трошин) – практически гимн с припевом, который воспринимался не иначе, как поэтическая формулировка журналистского кредо: «Трое суток шагать, трое суток не спать / Ради нескольких строчек в газете: / Если снова начать, я бы выбрал опять / Бесконечные хлопоты эти». По оценке паремистов, «фраза-символ профессии журналиста-репортера» [17, с. 757]. Наверное, не будет преувеличением сказать, что эти времена многими современными журналистами – «производителями текстов» – воспринимаются лишь как ушедшая в прошлое романтика.

Устоявшая метафора «высокой» поэзии – *святое ремесло* (подробно см.: [10]). *Святое* не только потому, что требует от поэта *трансцендирования* за пределы непосредственно очевидного к высотам духа, но и потому, что его истоки не столько в самом человеке как в «производителе текстов / информации», сколько в том, что *над* человеком. Думается, к месту будет привести напоминание Д. С. Лихачева в «Заметках о русском»: «В одном из своих поучений знаменитый киевский проповедник Феодосий Печерский высказывает своеобразный взгляд на произведения искусства. Он утверждает, что они созданы не столько человеком – художником, зодчим, – сколько *для* человека, *во имя* человека, *во славу* человека» [12, с. 80]. Интермедиаальное единство человеческого и *над-человеческого*, личностного и *сверх-личностного* обуславливает, что «тексты культуры», «высокой книжности» не являются произведениями только одного конкретного автора, чья фамилия указана на обложке книги или даже группы лиц, связанных с ним какой-либо культурной традицией, – в них «дыхание вечности», приметы Божьего соучастия, как знаки сакрального, истинного творчества, в оппозиции профанному (то есть поточному, лишённому как индивидуального, так и сверхличностного), ремесленному «производству».

Профанность просматривается и в современных трактовках риторики как научно-практической дисциплины. Даже в вузовских пособиях академического типа риторику нередко предлагают понимать лишь как «теорию красноречия», что вполне соотносится с рассматриваемым понятием «производство текстов», расширяемым до «производства текстов ради (красоты) самих текстов» – причем «красоты», публично одобряемой, ср.: «...*риторика* – теория ораторского искусства, теория красноречия, наука об умении говорить красноречиво, хорошо, так, как нужно в данном случае» [14, с. 5]. Разумеется, такая (наиболее распространенная, привычная) трактовка риторики далека от действительности: риторику целесообразно понимать как теорию и практику организации оптимального речевого (вербального и невербального) *воздействия и взаимодействия*, с акцентировкой интенциональности, а не «красоты» речи. Такое «более операциональное», практико-ориентированное прочтение, нацеленное на конкретный коммуникативный результат, открыто признается специалистами по так называемой «черной риторике», ср.: «Риторикой называется наука об эффективном применении речевых компонентов (слов и фраз) в процессе публичного общения. Она также описывает технические приемы, которые позволяют добиться коллегиального решения в свою пользу либо просто выбить почву из-под ног оппонента» [2, с. 11]. Как видим, специфическое отличие «черной риторики» от «просто риторики» в том, что первая нацелена не столько на *коммуникативный результат*, отражающий интересы всех участников общения (в соответствии с латинским этимолом *communis* ‘общий; общительный, доступный, обходительный, ласковый’), сколько на *манипулятивные задачи*, связанные с подчинением получателя сообщения воле его отправителя, на создание такой ситуации, когда адресат сообщения (слепо) следует чужой воле. Если абстрагироваться от вопроса об этической приемлемости «черной риторики», то нельзя не согласиться с инициальной частью цитированного определения: *наука об эффективном применении речевых средств*. Но такое применение предполагает обязательный выход за пределы парадигмы «текст ради текста» в круг вопросов, связанных с социальной ответственностью говорящего / пишущего за продукт своей речевой деятельности.

Подведём итоги. Десакрализация книги и книжного знания, начавшаяся еще в средневековье, продолжается и поныне [8], она органично связана с развивавшейся на протяжении последних столетий демократизацией,

ростом доступности произведений печати, достигшим своего пика с вступлением в эру электронных носителей информации, когда электронная книга последовательно замещает бумажную [6]. Десакрализация книги – органичное следствие десакрализации культуры в целом, утраты ею оригинального творческого, «божественного» начала. «Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь...» – восклицает пушкинский Сальери, восхищенный доселе неслыханным, сознавая, что он по сравнению с Моцартом – лишь ремесленник, что поставить «мастерство подножием искусству» – не значит автоматически стать способным к оригинальному творчеству. Является ли нынешнее массовое «производство текстов», художественных и научных, болезнью цивилизации или проявлением неких позитивных качественных сдвигов? Ответы, вероятно, появятся только в будущем.

Список литературы

1. **Березин В.** Другой способ чтения [Электронный ресурс] // Октябрь. 2003. № 11. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2003/11/berez-pr.html> (дата обращения: 18.01.2015).
2. **Бредемайер К.** Черная риторика: власть и магия слова. М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. 184 с.
3. **Васильев В. И.** К постановке вопроса об определении понятия «книжная культура» [Электронный ресурс] // Научная книга. 2002. № 3-4. URL: http://naukaran.ru/sb/2002_3/03.shtml (дата обращения: 18.01.2015).
4. **Волков В. В.** Интермедальность как атрибут художественности (лингвогерменевтика термина) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. № 2. С. 135-142.
5. **Волков В. В.** «Человек эстетический» в романе В. Орлова «Альтист Данилов»: о квазитворчестве музыканта // Язык и культура. Новосибирск, 2013. № 5. С. 179-185.
6. **Волкова Н. В.** Книга: бумажная или электронная? // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2010. № 5. С. 147-153.
7. **Волкова Н. В.** Книжный маркетинг: современные стратегии книгораспространения // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. 2014. № 2. С. 23-26.
8. **Горбунова Е. В.** Кризис современной культуры и искусства как следствие десакрализации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (52): в 2-х ч. Ч. 1. С. 60-62.
9. **Дёмин М. Р.** Производство философского знания: исследования и перспективы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 2. № 3. С. 242-248.
10. **Евсеев Н. Ю.** Концепция поэзии как «святого» ремесла поэтов серебряного века (К. Павловой, М. Цветаевой, А. Ахматовой и В. Брюсова) // Вестник Алтайской государственной педагогической академии. 2011. № 6. С. 9-12.
11. **Запесоцкий А. С.** Трансформации культуры: производство смыслов и управление информационными потоками // Вопросы философии. 2011. № 5. С. 166-171.
12. **Лихачев Д. С.** Заметки о русском. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2014. 480 с.
13. **Маяковский В. В.** Полное собрание сочинений: в 13-ти т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. Т. 7. Стихотворения второй половины 1925 года – 1926 года и очерки об Америке. 535 с.
14. **Риторика, или Ораторское искусство:** учеб. пособие для студентов вузов / авт.-сост. И. Н. Кузнецов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 431 с.
15. **Семенов В. Е.** Об оптимальных условиях производства и трансляции философского знания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2008. № 2. С. 199-210.
16. **Философия:** учебник для вузов / под ред. В. Н. Лавриненко, В. П. Ратникова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 622 с.
17. **Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений** / авт.-сост. В. Серов. М.: Локид-Пресс, 2005. 880 с.

“PRODUCTION OF TEXTS” AS A PROBLEM OF MODERN BOOK CULTURE

Volkov Valerii Vyacheslavovich, Doctor in Philology, Professor

Volkova Natal'ya Vasil'evna, Ph. D. in Philology

Tver State University

Volk7Valery@yandex.ru; volknat@mail.ru

The article deals with a new Russian word-combination “production of texts” that is interpreted as a dysphemism of the noun “creativity”, which reflects the change of cultural paradigm in book-publishing business – from the aim at the high-principled and artistic depth of the work to the aim at commercial success. “Production of senses” is the next dysphemizing step in the development of this paradigm. The authors come to the conclusion that the same tendency occurs in journalism and rhetoric. The desacralization of book is a result of the availability of published works and a consequence of the desacralization of culture as a whole.

Key words and phrases: book culture; production of texts; utilitarianism; creativity; dysphemism; journalism; rhetoric.